

условий развития политической системы, подчеркивает то обстоятельство, что оппозиция способна стать фактором дестабилизации общественной обстановки. Вместе с тем наблюдается эволюция оценки роли и значения оппозиции в политической жизни общества в сторону признания ее в качестве неотъемлемого участника современного политического дискурса.

Исходя из вышесказанного можно отметить, что на протяжении истории мировой политической мысли в понятие «оппозиция» вкладывался разный смысл. Сегодня оппозиция является элементом политической системы общества и его политическим институтом. На наш взгляд, в целом под политической оппозицией следует понимать политические институты, не согласные с официальным политическим курсом, имеющие своей целью достижение власти или влияние на власть посредством предложения альтернативных путей развития общества.

Примечания

- ¹ Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция в России: особенности отношений // Социология власти. 2005. № 1. С. 150.
- ² См.: Томас Джефферсон о демократии / Сост.: Сол К. Падовер. СПб., 1992; Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. / Пер. с фр. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. М., 1998; Монтескьё Ш.Л. О духе законов. М., 1999.
- ³ См.: Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции в современной Франции // Классический французский либерализм. М., 2000.
- ⁴ См.: Кислицын С.А., Кривчук И.А. Демократическая и коммунистическая оппозиция в России как субъекты формирующегося гражданского общества // Социология власти. 2008. № 4. С. 203.
- ⁵ См.: Курбанов А.Р. Некоторые аспекты разработки понятия оппозиции в политической науке: история и

современность // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2008. № 3. С. 76.

- ⁶ См.: Дюверже М. Политические партии / Пер. с фр. М., 2005. С. 497.
- ⁷ Сергеев С.А. Политическая оппозиция и оппозиционность: смысл осмысления понятий // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С. 125.
- ⁸ См.: Кривчук И.А. Политические оппозиции и контрэллиты в условиях российской демократической реформации: Автореф. дис ... канд. полит. наук. Ростов-н/Д, 2009.
- ⁹ Победоносцев К.П.: pro et contra / Вступ. ст., сост. и примеч. С.Л. Фирсова. СПб.: 1996. С. 110.
- ¹⁰ См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 5. Май–декабрь 1901. М., 1959. С. 64.
- ¹¹ См.: Клямкин И. Власть, оппозиция и российское общество осенью 1992. М., 1992; Пашенцев Е.Н. Оппозиционные партии и движения современной России. М., 1998; Гельман В.Я. Политическая оппозиция: вымирающий вид? // Полис. 2004. № 4; 1999; Пешков В.П. Оппозиция и власть: общественное восприятие. М., 2000.
- ¹² См.: Поршаков С. Политическая оппозиция в странах Запада (Некоторые закономерности и особенности функционирования) // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 3; Васильев В.А. Оппозиция как социальное явление // Социально-политический журнал. 1996. № 5; Зеркин Д.П. Политический конфликт и оппозиция // Социально-политический журнал. 1998. № 5; Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция в России: особенности отношений // Социология власти. 2005. № 1; Гельман В.Я. Политические партии России: от конкуренции к иерархии // Полис. 2008. № 5.
- ¹³ См.: Гаврилов Г.А. Модели политической оппозиции: теоретико-методологический анализ. М., 2003. С. 16.
- ¹⁴ См.: Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995. С. 98.
- ¹⁵ См.: Сергеев С.А. Политическая оппозиция и оппозиционность: опыт осмысления понятий // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С. 136.

Слово молодым политологам

УДК 323.3

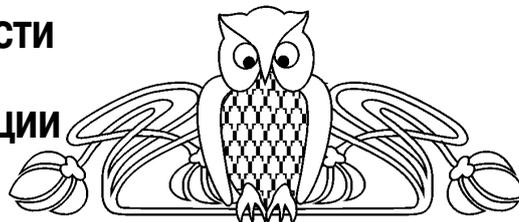
СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

А.В. Кучеров

Саратовский государственный университет
E-mail: alekskuchеров@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические возможности изменения представлений о включенности граждан Российской Федерации, находящихся на военной службе, в современные процессы модернизации.

Ключевые слова: политическая субъектность, идентичность военнослужащих, политическая модернизация, теория идентичности.

Features of Political Subjects and Identity of Military Men within Contemporary Modernization

A.V. Kuchеров

Theoretical possibilities of changes of views about participation of military citizens in contemporary modernization process are analyzed in this article.

Key words: political subject, identity of military men, political modernization, theory of identity.

В последние годы проблематика модернизации заметно доминирует в структуре отечественных политологических исследований. Одним из важных направлений этой исследовательской работы является анализ включенности в модернизационные процессы различных политических субъектов, прежде всего основных социальных и профессиональных групп. К настоящему моменту имеется в наличии большой массив исследований по участию учащейся молодежи в модернизационных процессах¹. В данном случае творческий поиск исследователей заметно облегчает то очевидное обстоятельство, что молодежь является социальной группой, объективно заинтересованной и потому неизбежно активной в проведении модернизации. Речь идет о том, что молодежь таким образом обеспечивает себе гарантированное благополучие в будущем. Поэтому исследователям проблемы «молодежь в современной российской модернизации» в принципе нет нужды тратить усилия на обоснование того, что молодежь может и должна участвовать в модернизации и ее участие достаточно значимо и естественно. Всем понятно, что молодежь – двигатель российской модернизации.

Конечно же, другим главным двигателем современной модернизации выглядят российские партийно-политические, административные и бизнес-элиты. С осознанием ими своей ответственности за судьбы общества и государства исследователи обычно связывают свои надежды на то, что построение в России правового государства и гражданского общества состоится вопреки историческим традициям авторитаризма и подданничества. В одной из диссертационных работ читаем: «... имеется возможность привлечения внимания государственных органов к решению конкретных проблем общественного самоуправления, повышения уровня гражданской самоорганизации, степени гражданского участия в реализации приоритетных национальных проектов, федеральных и региональных программ органов власти и управления»². Особенно роль элит как двигателя процессов модернизации становится значимой в кризисных условиях. Известный отечественный элитолог О.В. Гаман-Голутвина отмечает: «Анализ мировой политико-управленческой практики показывает, что в преодолении последствий кризиса ключевая роль принадлежит аффилированным с государством элитам, а эффективное использование ими институтов и ресурсов государства становится критически важным фактором преодоления кризиса»³.

Хотя вразрез с собственным оптимизмом отечественные элитологи отмечают, что «человеческий капитал» этих элит, который они потенциально способны инвестировать в модернизационные мероприятия экономического, политического, культурного и нормотворческого плана, в сущности, достаточно беден⁴. Не до конца еще пройденный Россией мировой эконо-

мический кризис особенно отчетливо показал, что концентрация в руках бизнеса ключевых ресурсов, способных обеспечить устойчивое прогрессирование экономики, политики и культуры, не тождественно готовности пожертвовать этими ресурсами в интересах общества и государства.

Другие социальные группы исследуются с точки зрения тормозящего влияния на модернизацию их мировоззренческих установок и экономических интересов. Вопрос о конструктивном и эффективном участии в модернизационных процессах российских пенсионеров действительно внешне выглядит абсурдным в самой своей постановке. Возможно, поэтому политическое участие пенсионеров исследуется преимущественно в русле тех проблем этой социальной группы, которые, как кажется исследователям, обременяют модернизационную динамику, увеличивают издержки при реализации реформ, генерируют внутрисоциальные конфликты. Один из современных исследователей утверждает: «Особенности постсоветских трансформационных процессов, а именно ускоренный процесс имущественной дифференциации в России, обозначил социальное расслоение общества, поляризовал возможности и интересы различных групп. Социальное расслоение, наряду с профессиональным, имеет также четко выраженную половую и возрастную специфику. Социальная политика России на данном этапе характеризуется спонтанностью и бессистемностью, вступает в противоречие с проводимыми экономическими реформами, сводится к попыткам нейтрализации уже возникшей социальной напряженности»⁵. Хотя, если вспомнить, что на заре нынешней российской модернизации, в частности в 90-е гг. прошлого столетия, значительная часть трудоспособного населения страны не только выжила на пенсии своих старших родственников, но даже пыталась каким-то образом встроиться в рыночную механику, то даже этот частный момент позволяет усомниться в разумности представлений о политическом участии пенсионеров как антимодернизационном факторе.

Почти выпала из поля зрения политологов (есть небольшое число специальных социологических исследований и небольшие разделы в комплексных исследованиях) проблематика участия в модернизации людей, занятых в производственной сфере⁶. Каков потенциал участия в модернизации людей среднего возраста не по факту их принадлежности к той или иной партии, национальности, не по факту доминирования у них тех или иных мировоззренческих установок, а по факту их включенности в производство тех материальных благ, накопление которых в итоге и должно дать новое, модернизированное качество жизни, – это, в сущности, и есть формулировка условия той исследовательской задачи, решение которой, как нам представля-

ется, может многое дать для понимания общих перспектив политического и экономического развития современной России. Следует отметить, что такой «провал» в предметном поле исследований современной политической субъектности и политической идентичности различных групп российского социума противоречит общей логике научно-исследовательской работы над проблемами модернизации в нашей стране, которая активно велась еще в советское время. Советские ученые как раз включенность человека или социальной группы в реальные производственные процессы рассматривали в качестве условия обладания ими реальным потенциалом участия в модернизации.

Современная же отечественная политическая наука ориентируется преимущественно на либеральный подход. А для последнего характерно понимание модернизационной ориентированности личности или группы как проявления предпринимательской и властной инициативы за пределами повседневных производственных практик, как своего рода «гражданский подвиг». Возможно, по этой причине наблюдается странность в подходе к изучению участия в модернизации хозяйствующих субъектов: политологами изучается участие в модернизации бизнесменов, которое, безусловно, сопряжено со множеством явных и скрытых рисков, прежде всего карьерного плана. Но не изучается участие тех, кто постоянно рискует потерять работу и вместе с ней все из чего состоит повседневная жизнь. Не изучается участие тех, чьим трудом создается тот капитал, который при посредничестве бизнесменов далее инвестируется в различные государственные и общественные программы, в научные разработки стратегии и тактики модернизации. Соответственно, по логике этого либерального подхода поведение значительной части современных российских граждан, чье повседневное политическое и экономическое участие четко регламентировано государственным законодательством, под это понимание «потенциала участия в модернизации» просто не подпадает.

Возможно, что вследствие доминирования этой самой либеральной парадигмы, требующей от исследователя непосредственно увязывать модернизационный потенциал субъекта с его готовностью публично демонстрировать особость своих политических, экономических и правовых интересов, идти на разного рода политические конфликты и связанные с ними риски, очень своеобразно выглядит и позиция отечественных исследователей в отношении модернизационного потенциала такой традиционно достаточно значительной в России социальной и профессиональной группы граждан, как военнослужащие. Этому потенциалу стараются не замечать, вероятно, потому, что с приходом в политику в конце 90-х гг. минувшего века достаточно большого числа военнослужащих

некоторые политические аналитики связывали свои прогнозы нарастания авторитарных тенденций во взаимоотношениях государственной власти в России и общества, нарастания милитаризации современной политической культуры в целом. Политическое участие и политическую идентичность военнослужащих практически не изучают, поскольку видят в них некий побочный продукт реализации различных политических и экономических программ, в ходе которых это участие и эта идентичность увязываются с разного рода издержками и рисками модернизационных инициатив российской государственной власти в центре и на местах, с одной стороны, и достаточно специфическими корпоративными традициями военной среды – с другой. В таком русле, например, построено большинство сообщений и докладов, представленных в 2008 г. на III Всероссийском конгрессе социологов, в рамках которого работала специальная секция военной социологии, результаты работы которой широко представлены в Интернете.

Общую научную позицию в отношении данной проблемы можно выразить так: факт, что военнослужащие участвуют в политике, но из этого не следует, что они могут быть признаны полноценными субъектами модернизации, что можно говорить о какой-то их «модернизационной» политической идентичности. Получается, что российские военнослужащие оказываются в качестве социальной группы и профессиональной корпорации на «обочине» российской модернизации, поскольку их участие объективно ограничивают правовая и культурная традиция, с одной стороны, и риски разного рода преобразований – с другой.

Приведенные выше суждения не следует понимать, как настойчивую рекомендацию современным отечественным политологам разом переключиться на исследование модернизационного потенциала профессиональной корпорации военнослужащих, которое даст науке какое-то «истинное» представление о сути перемен, переживаемых нашим обществом и государством. В данном случае речь идет о том, что есть некий парадокс в теоретических подходах науки к определению субъектности разных социально-политических сил в современной модернизации, который нуждается в объяснении.

При построении такого объяснения необходимо, как представляется, принять во внимание общую тенденцию в политологических представлениях о структуре модернизационного процесса. Суть этой тенденции состоит в том, что исследователи, осознанно или не осознанно, но, рассуждая о модернизации, имеют в виду прежде всего некие прогрессивные сдвиги в развитии различных политических, экономических и культурных систем, достижение этими системами некоторого принципиально лучшего, в сравнении с предшествующими, состояния. «Модернизация»

расшифровывается не как научная категория, за которой стоят реальные противоречия различных повседневных практик разных уровня, масштаба, направленности, а как символическое обозначение всего, что гарантирует прогресс. Имеют место, конечно, и другие позиции, связанные, например, с консервативным пониманием изменений в современной России как возвращения к «истокам», к традициям державности, имперскости, православноности и т.д. Но доминирует все-таки именно либеральная тенденция.

Если принять это во внимание, то становится понятным, почему в структуре исследований российской модернизации обнаружилась специфическая специализация исследователей. Одни из них изучают то, как в ходе нынешней модернизации прогрессирует российская социально-политическая и хозяйственная система, как она приближает нашу страну к «западным» стандартам либеральной демократии и рыночности. При этом на втором плане упоминается о трудностях адаптации общества и государства к этим процессам, и эти трудности связываются с наследием прошлого и «общественным менталитетом». Имеет место научная апологетика либеральной стратегии модернизации. А другие изучают вызовы и риски современной модернизации (часто в контексте глобализационных процессов), которые стратегию и тактику, успех этой модернизации ставят под большое сомнение и на втором плане упоминают о достижениях, которые на фоне издержек модернизации выглядят довольно скудно. Формируется направление исследований, связанное с критикой либеральной стратегии модернизации.

Поскольку решение проблем Российской армии действительно в течение всего периода российских либеральных реформ было одним из наиболее затратных модернизационных предприятий, постольку и происходит привязка всей направленности исследований по политической субъектности и идентичности военных преимущественно к этому, второму направлению, изначально предполагающему рассмотрение всех аспектов этой темы в ключе издержек, просчетов, не решаемых годами проблем и т.д. Внешне это выглядит довольно привлекательно: разговор о недостатках и просчетах современной военной политики выглядит как акт сочувствия и сопереживания научной общественности России проблемам военнослужащих. Наука занимает в этом случае критическую и граждански ответственную позицию. Но у этой ситуации есть и другая сторона. Если суммировать все издержки и трудности перестройки жизни военнослужащих на новый лад, представленные в современных исследованиях социологов и политологов, то получается, что для военнослужащих как особой социальной группы и профессиональной корпорации нет места в структуре нынешнего российского модернизационного процесса. Рос-

сийские военнослужащие предстают как сторона, страдающая от модернизации, фактически исключенная из участия в этих процессах. Это, по сути, обесмысливает как таковой разговор о какой-либо субъектности российских военнослужащих в модернизационном процессе и о каких-либо действительно конструктивных итогах нынешней либеральной военной политики. Вольно или невольно, но, акцентируя внимание именно на издержках нынешнего реформирования армии, ученые настраивают общественное сознание на мысль, что конструктивных итогов этого реформирования общество может и не дожждаться. А из этого следует, что, возможно, материальные ресурсы и время на реформирование Российской армии были затрачены впустую.

Сказанное не следует понимать в том смысле, что научная критика недостатков современной военной политики в нашей стране не нужна. Имеет смысл, как нам представляется, подумать об усовершенствовании тех теоретических позиций, с которых критика ведется, с тем чтобы эта критика настраивала общественное сознание на более оптимистический лад и самим военнослужащим Российской армии позволяла формировать не «комплекс неполноценности», а конструктивную социально-политическую идентичность, мироощущение полноценного субъекта современной модернизации, независимо от того, по какому идеологическому варианту она проводится. Связь с определенной идеологической детерминацией непродуктивна как основание для анализа ситуации в данном случае уже потому, что в сохранении дееспособности армии заинтересовано любое общество и государство, независимо от того, на почве какой идеологической доктрины строится их политическое взаимодействие.

Но возможно и другое понимание сути и структуры тех процессов, которые мы обозначаем понятием «модернизация». Допустимым представляется рассматривать все издержки по реализации преобразований как неотъемлемую, органичную часть самих процессов этих преобразований, можно сказать, суть того, что мы имеем в виду, говоря о модернизации. Можно в принципе представить модернизацию как некую макроисторическую «провокацию», организуемую политическими элитами в отношении массы рядовых граждан и имеющую целью побудить их к изменению базовых жизненных стратегий. Череда материальных и психологических трудностей и конфликтов, которой отмечен процесс любой модернизации в мировой истории, ставит индивидов и социальные группы в условия, при которых они вынуждены меняться в гораздо большей степени, нежели сами элиты, вырабатывать механизмы самозащиты от возникших угроз и вызовов и потому меняться структурно и качественно. В этом ракурсе конфликты и проблемы, которыми сопровождается всякая модернизация и которые обычно

рассматриваются в качестве побочного продукта работы основных механизмов модернизационного развития, можно рассматривать в качестве того, что составляет основу генезиса модернизационного процесса и далее придает этому процессу относительную устойчивость и определенную направленность.

Представляется, что такой теоретический подход точнее, чем охарактеризованный выше либеральный, «прогрессистский» взгляд на сущность современной российской модернизации, позволяет описать и проанализировать то, что произошло с нашим обществом и государством за последние двадцать лет. В том числе он позволяет представить и корпорацию военнослужащих не как образование, оказавшееся на обочине либерального реформирования, а как полноценного субъекта политических, экономических и культурных перемен. Военнослужащие, как и все рядовые граждане России, будучи поставлены перед рядом существенных проблем выживания в не просто трудных, а часто невыносимых для человеческого существования условиях, в течение всего периода реформ были вынуждены адаптироваться, искать способы оптимизации своих ресурсозатрат, менять свою социально-политическую идентичность в плане ключевых ценностей, ведущих мотиваций профессионального и гражданского поведения, вообще менять весь свой жизненный уклад. Собственно, в смене жизненного уклада и проявляется, вероятно, самая объективная характеристика включенности социальной группы в модернизационный процесс.

Такого рода изменения постоянно отслеживаются отечественными социологами, и опираясь на результаты их исследований в области адаптационных стратегий различных социальных групп, можно сказать, что наиболее полным выражением модернизационного потенциала социальной группы является как раз мера ее способности адаптироваться к издержкам социальных конфликтов, к переменам, которые эти конфликты порождают и поддерживают⁷.

Военнослужащие адаптировались к вызовам и издержкам российской модернизации не лучше и не хуже большинства рядовых российских граждан, чье существование связано с обслуживанием государственных интересов, а также соответствующих механизмов реализации этих интересов. В общем плане суть адаптационной стратегии, которая представляет собой модернизационный потенциал этой категории населения РФ, можно выразить так: переход от работы и жизни на гарантированную государством зарплату к работе и жизни на средства, объема и качества которых никто, включая и само государство, не гарантирует. Специфическим аспектом перехода к этому новому жизненному укладу разных категорий военнослужащих, прежде всего кадрового состава Российской армии, является то, что,

в отличие от гражданских лиц, военнослужащие фактически и юридически были более ограничены (присягой и законодательством о порядке прохождения воинской службы, а также фактическими условиями несения службы) в свободном выборе порядка и механизмов перехода к новому жизненному укладу. То, что этот переход со многими трудностями, вплоть до личных и семейных драм военнослужащих, все-таки происходил и происходит сегодня, свидетельствует о том, что корпоративная структура Российской армии как социального механизма обладала и обладает гораздо более значительным модернизационным потенциалом, чем структуры, объединяющие гражданское население России. Возможно, это явилось следствием того, что военнослужащие смогли использовать одновременно ресурсы государства и общества для выработки и реализации адаптационных жизненных стратегий, продемонстрировали значительную корпоративную сплоченность в сравнении с другими социальными и профессиональными группами. В отличие от гражданского населения военнослужащие в своем участии в модернизационном процессе изначально не были как корпорация ориентированы на какие-либо специфические идеологические мотивации.

Представляется, что исследование проблемы модернизационного потенциала военнослужащих в указанном теоретическом русле могло бы существенным образом повлиять на общую направленность современных научных поисков того социального ресурса, который мог бы обеспечить поступательное развитие российской модернизации. В большинстве случаев контур этого поиска задается понятием «гражданское общество». В типично либеральном духе это понятие трактуется отечественными исследователями как обозначение объединения гражданских лиц, максимально не связанных какими-либо обязательствами с государством и потому максимально самостоятельных в своем политическом выборе и политическом поведении. Однако из сказанного выше следует, что «гражданское общество» не может быть даже теоретически представлено как некий совокупный и универсальный субъект российской модернизации уже потому, что модернизационный потенциал групп населения, входящих в него, достаточно различен даже на уровне общих для них по принципиальным основаниям стратегий перехода к новому жизненному укладу. При этом, возможно, как раз наибольшим (наше теоретическое допущение нуждается, естественно, в предметном социологическом и политологическом изучении) модернизационным потенциалом могут по факту обладать как раз те группы российских граждан, которые либеральная традиция вообще не рекомендует ученому рассматривать как органичную часть гражданского общества.

Примечания

- ¹ О систематизации исследовательских достижений по разработке проблемы участия молодежи в модернизации см., напр.: *Крайнова Н.В.* Политическая социализация молодежи в условиях модернизации политической системы России и реформирования ее институтов (конец XX – начало XXI века): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ярославль, 2006; *Чекмарёва Э.В.* Роль молодежи в политической модернизации в постсоветской России: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2009.
- ² *Стеблецова Н.Н.* Гражданское общество в региональном социально-политическом процессе современной России: приоритеты деятельности, тенденции развития: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2010. С. 4.
- ³ *Гаман-Голутвина О.В.* Политическая элита РФ и проблемы эффективности государственного управления в условиях кризиса (Критерии, стратегии, технологии) // V Всерос. конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы»: Тез. докл. Москва, 2–22 ноября 2009 г. М., 2009. С. 100.
- ⁴ См.: *Косарук Д.В.* Образ России в представлениях современной российской бизнес-элиты // Актуальные пробле-

- мы современной политической психологии: Юбил. сб. кафедры / Под ред. Е.Б. Шестопал. М., 2010. С. 153–159; *Добрынина Е.П.* Влияние личностных особенностей губернаторов на их политическую роль в современной России (на основе анализа публичных выступлений региональных лидеров) // Актуальные проблемы современной политической психологии. С. 254–265.
- ⁵ *Михайлова Т.А.* Модели социальной политики России и Германии // V Всерос. конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». С. 285–286; См. об этом также: *Евсеева Я.В.* Актуальные вопросы современной социальной политики в отношении пожилых людей // Там же. С. 141–142.
- ⁶ См., напр.: *Проблемы социально-политической стабильности в условиях глобализации.* М., 2008. С. 137–143; *Общественное мнение.* М., 2009. С. 58–65.
- ⁷ См.: *Маркина Н.Л.* Политическая адаптация граждан России в условиях мирового финансово-экономического кризиса // V Всерос. конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». С. 273; *Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов.* Аналитический доклад Рабочей группы Института социологии РАН // Политические исследования. 2009. № 5. С. 91–93.

УДК 323.212

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Л.А. Волынкина

Саратовский государственный университет
E-mail: optimis.ya@mail.ru

В статье анализируется роль политической экспертизы в процессе принятия политических решений. В ходе исследования раскрываются основные функции политической экспертизы, которые характеризуют ее как самостоятельный механизм, способный и к автономной работе, и к интеграции в другие политические механизмы, в том числе и в процесс принятия политических решений. **Ключевые слова:** политическая экспертиза, принятие политических решений.

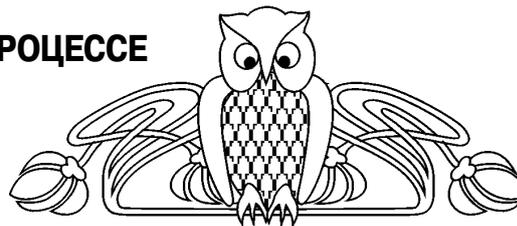
The Role of Political Expertise in Political Decision-Making Process

L.A. Volynkina

The article examines the role of political expertise in political decision-making process. The research investigates major functions of political expertise which characterize it as an independent mechanism capable of autonomous work and integration into other political mechanisms including the process of political decision-making.

Key words: political expertise, political decision-making.

«Политическая экспертиза» и «принятие политических решений» – категории, характеризующие состояния политической коммуникации

в государственном управлении. В современной политической науке существует путаница в толковании смысла двух этих понятий. Часть исследователей склоняется к их отождествлению, рассматривая их как взаимозаменяемые, другие включают политическую экспертизу в процесс принятия политических решений¹. Наконец, имеется и третья точка зрения, в соответствии с которой политическая экспертиза является самостоятельной процедурой².

При этом развернутого обоснования того или иного авторского понимания обычно не приводится. Такое обоснование необходимо, поскольку в данном случае речь идет о понятиях, служащих своеобразными дискурсивными индикаторами, позволяющими, например, определить качество реально совершающейся политики. В частности, речь идет об определении такого ее ключевого качества, как публичность или непубличность. Определение состояния политической сферы будет в данном случае прямо увязано с тем, какого рода процессы взаимодействия политических субъектов мы обозначим тем или иным понятием.